

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ЭВОЛЮЦИИ БАНКОВСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИИ

Кладова Анна Анатольевна

соискатель ученой степени кандидата экономических наук. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: kladova.aa@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты выполненного автором в ключе политэкономической концепции конкуренции и ее развития исследования особенностей диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в развитии банковской конкуренции в России. Автор выделяет три этапа такого взаимодействия, а также предлагает модель спиралевидного развития конкуренции на российском рынке банковских услуг.

Ключевые слова: банковская конкуренция; угасание; обострение конкуренции; развитие; возможность; преимущество

Код УДК: 339.137.2

Annotation. The article presents the results of the author's research of the specifics of dialectic relationship between the tendencies of extinction of competition and aggravation of competitive struggle in the development of bank competition in Russia. The author covers three stages of such relationship and suggests a model of spiral development of competition in Russian banking market.

Keywords: bank competition; extinction; aggravation of competition; development; opportunity; advantage

В науке и философии категория «диалектика» понимается в двух основных значениях: в широком, общем смысле слова и в узком понимании. В соответствии с первым из них под ней понимаются взаимно увязанные противоречия и их разрешения в различных сферах природы и общества, а сам термин в этом значении применяется, например, когда говорят о диалектике Платона, о диалектике природы, о диалектике «Капитала» К. Маркса, о диалектике общественного развития и т.д. Узкое значение термина «диалектика» подразумевает учение о всеобщих категориях, систематически развернутых в целостную логическую систему, которых, по мнению А.С. Казеннова, к настоящему времени разработано всего три:

- логическое учение Аристотеля, изложенное в комплексе трактатов, в том числе наиболее полно в работе «Категории»;

- учение о трансцендентальных категориях И. Канта, систематизированное И. Фихте и И. Шеллингом;

- логическое учение Г. Гегеля, изложенное в «Науке логики» [7, с. 33].

Еще одним подходом к пониманию диалектики является выделение двух ее проявлений: всеобщей диалектики как объективно действующей системы законов (логос) во всех сферах: природе, обществе и в самом мышлении, присущей всему миру в целом и каждому предмету в отдельности, и частной диалектики как проявления и выявления всеобщей диалектики в конкретных сферах, применения всеобщей диалектики к какой-то конкретной предметной области. При этом частная диалектика может быть (и чаще всего является) субъективной по форме, однако ее содержание всегда объективно. С этой точки зрения, применение всеобщей диалектики к частной предметной области может рассматриваться как диалектический метод соответствующей науки [7, с. 34]. Отталкиваясь от сказанного, а также опираясь на три выделенных философией основных закона диалектики (закон единства и борьбы противоположностей как источник развития, закон перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицания [14, с. 182]), в настоящей статье на основе представленных в ряде предыдущих публикаций [5; 6] анализа конкурентной среды российского банковского сектора, сущности банковской конкуренции в России, ключевых тенденций ее эволюции мы выявим особенности взаимодействия указанных тенденций в конкретно-исторических условиях современной российской экономической действительности и определим траекторию движения конкуренции в отечественном банковском секторе в ходе ее развития. Отправной точкой наших рассуждений являются описанные нами в предыдущих публикациях две противоположные тенденции в развитии конкурентных отношений между субъектами, оперирующими в рамках российского банковского сектора: тенденции угасания конкуренции и тенденции обострения конкурентной борьбы.

На первый взгляд, может показаться, что, угасая и двигаясь по траектории «совершенная конкуренция – монополистическая конкуренция – слабая олигополия – тесная олигополия – монополия», банковская конкуренция в России должна изживать ситуации острой конкурентной борьбы посредством комплекса традиционных и в какой-то степени «инновационных» методов, особенно учитывая изначально неравный модифицированный состав субъектов, конкурирующих на российском банковском рынке. Тем не менее, поверхностное противоречие указанных тенденций, как и самих монополии и конкуренции в целом, может рассматриваться как субъективная форма их взаимодействия, тогда как содержательный аспект такого взаимодействия, по нашему глубокому убеждению, состоит в их диалектическом единстве, порождающем развитие конкурентных отношений по той или иной траектории.

Вызовы упрощенному пониманию, противопоставляющему монополизацию как угасание конкуренции и конкуренцию, были брошены еще в позапрошлом веке. В частности, К. Маркс отмечал, что в практической жизни присутствуют не только конкуренция, монополия и их антагонизм, но и их синтез, который представляет собой не формулу, а движение [4, с. 237]. Более сложную, чем простой антагонизм, связь между конкуренцией и монополией отмечал и В.И. Ленин, по утверждению которого «свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии» [9, с. 8]. Более того, В.И. Ленин считал порождение монополии концентрацией производства общим и основным законом современной для него стадии развития капитализма [9, с. 9], однако при этом, по его мнению, «монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют её, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов» [9, с. 70].

Стремительное развитие идеи о наличии взаимосвязи и взаимодействия между монополией и конкуренцией получили в связи с созданием Э. Чемберлином теории монополистической конкуренции, которая «есть, безусловно, нечто отличающееся и от чистой монополии, и от чистой конкуренции» [13, с. 119]. Благодаря дифференциации, понимаемой как «специфические особенности любого единичного предприятия, которые не могут быть воспроизведены» [13, с. 173],

рыночный агент получает возможность получения монопольного дохода, оставаясь при этом конкурентом.

Современная отечественная экономическая наука (как правило, вне ее мейнстрима) также исследует разнообразные аспекты взаимодействия между монополизацией экономики и обострением в ней конкурентной борьбы. Как упоминалось выше, один из наиболее комплексных, системных взглядов на диалектическое взаимодействие тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в развитии конкурентных отношений предложен в работах В.А. Гордеева [4], выполненных в ключе нового парадигмального мейнстрима экономической науки – теоретической экономики.

Опираясь на неоклассический инструментарий, вопросы ограничения и модификации конкуренции в монопольных рыночных структурах освещает в своем диссертационном исследовании М.В. Петрищев. По мнению ученого, чистая монополия устраняет рыночную конкуренцию, однако, учитывая, что на эмпирическом уровне понятие «чистая монополия» фактически отвергается, речь о ее существовании предлагается вести в пределах производства и продажи одного рода товара и в определенных границах его рынка [12, с. 181–182]. Отталкиваясь от описанных неоклассическими экономистами структур рынка, М.В. Петрищев выделяет семь типов таких сочетающих монополию и конкуренцию структур, располагая их в порядке убывания конкуренции, причем точкой отсчета (что мы считаем справедливым) служит совершенная конкуренция. Актуальным для нашего исследования является тезис М.В. Петрищева о том, что в «неравнодолевой» олигополии (то есть олигополии, немногочисленные участники которой имеют разные доли рынка) возможно существование иерархической структуры с выделением лидера, вице-лидера и аутсайдеров, то есть фактическое наличие в рамках монополизирующейся структуры рынка вертикальной и горизонтальной конкуренции [12, с. 198–199].

Н.Н. Никитина справедливо отмечает, что «конкуренция и стремление к монопольной позиции заложены в самом суверенитете товаропроизводителей с их индивидуальными экономическими интересами, в их экономической свободе, хозяйственной свободе, стремлении к максимизации прибыли. При этом конкуренция по своей сути представляется динамичным, обновляющим, вместе с тем нарушающим началом отживающих систем, а монопольные механизмы – это консервативное, ограничивающее, упорядочивающее начало. Конкуренция порождает движение, развитие, монополия вводит его в организационные берега, охраняет его плоды, обеспечивает устойчивость нового уровня богатства и потребления. Указанные начала универсальны: их синтез формирует любое движение в экономике» [11, с. 8].

С учетом указанных теоретических положений мы в самом общем приближении рассматриваем диалектическое взаимодействие тенденции к угасанию конкуренции и тенденции обострения конкурентной борьбы как берущий начало от совершенной конкуренции процесс попеременных пиковых состояний каждой из указанных тенденций в рамках общего развития конкуренции. Исходя из сказанного, обе из рассматриваемых тенденций одновременно присутствуют в экономике в целом и в ее отдельных секторах, в частности. Однако при этом в ходе развития конкуренции (при этом «развитие» вовсе не означает ее восходящего движения от менее совершенного к более совершенному состоянию) то одна, то вторая из этих тенденций являются ведущими, поскольку на соответствующих этапах конкурентная среда, эндогенный и экзогенный ее каркасы обуславливают то необходимость динамического, обновляющего движения системы, то потребность в некотором торможении, успокоении, стабилизации ее состояния. Смена этих потребностей системы в соответствии со вторым законом диалектики происходит при превышении «меры», то есть границы, после перехода которой «накапливающиеся» в системе элементы монополизации или, напротив, обострения конкурентной борьбы приводят к скачку в развитии системы и переходу ее в новое качественное состояние.

При попытке наложить предлагаемую нами модель общего случая диалектического взаимодействия между тенденциями угасания и обострения на конкуренцию в банковском секторе России, мы сталкиваемся с рядом специфических аспектов создания и функционирования данного сектора, которые обуславливают потребность в некоторой модификации данной модели. В первую очередь, особенностью российского случая является то, что стартовой позицией процесса диалектического взаимодействия угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в отечественном банковском секторе была не совершенная, а скорее монополистическая конкуренция, возникшая в связи с отчасти принудительным генезисом сектора на руинах государственно-монополизированной сети кредитных учреждений (именно учреждений, а не организаций). Генетически унаследованная от административно-командного периода мощная роль государства в рассматриваемой сфере изначально не могла бы быть совместима даже с краткосрочным периодом совершенной конкуренции, хотя формально период экстремального роста числа банков в России с началом либерализации ее экономики может создавать впечатление именно такой структуры рынка.

Во-вторых, специфической российской особенностью диалектического взаимодействия тенденций угасания и обострения в развитии банковского сектора является тот факт, что обе они порождаются (прямо и / или косвенно) конкурентным поведением государства как субъекта конкурентной борьбы на банковском рынке и как одного из ключевых институтов социально-экономической системы страны. Это придает самим тенденциям (вернее, их внешнему проявлению) и их взаимодействию некоторую механистичность, произвольность, отграничивающую их от общего случая рассматриваемого взаимодействия, которое, как мы полагаем, должно в большей степени происходить благодаря внутренним особенностям рынка.

В-третьих, полноценным началом внешнего проявления тенденции обострения конкурентной борьбы на российском банковском рынке в том значении, которое в нее вкладывается нами в настоящей статье (то есть как, в первую очередь, активизации комплекса методов конкурентной борьбы государства на данном рынке), мы считаем период после 1998 г. (условно – 2000 г.), поскольку именно в период, предшествовавший кризису 1998 г., по данным А.В. Верникова, «в России произошло лавинообразное обрушение системы государственных специализированных банков, госсектор банковской системы России практически «схлопнулся» до уровня примерно 1/3 всех активов и лишь затем начал восстанавливаться» [3, с. 14–15]. Именно упоминаемое А.В. Верниковым «восстановление» мы и рассматриваем в качестве первого этапа «накопления» элементов тенденции обострения конкурентной борьбы в развитии банковской конкуренции в России.

Таким образом, диалектическое взаимодействие тенденций угасания и обострения конкуренции в российском банковском секторе, по нашему мнению, представляет собой происходящий под контролирующим воздействием государства как субъекта банковской конкуренции процесс попеременных пиковых состояний указанных тенденций в ходе перемещения банковской конкуренции по траектории «монополистическая конкуренция – слабая олигополия – тесная олигополия – монополия». Первым признаком последовательной смены интенсивности проявления тенденций в развитии банковской конкуренции в России, на наш взгляд, могут служить особенности изменения доли активов подконтрольных государству банков в совокупных активах сектора в течение последних четырнадцати лет. В частности, стартовав с посткризисных 35,9% от совокупных активов российского банковского сектора, блок подконтрольных государству банков в период с 2000 г. по 2014 г. смог нарастить значение данного показателя практически вдвое до 60% [16, с. 14]. Столь мощное для довольно короткого промежутка времени разрастание конкурентной позиции государства в пределах конкурентного пространства банковского рынка, концентрация в его руках более половины активов сектора объективно указывают на последовательную монополизацию сектора и, соответственно, угасание конкуренции в нем.

Однако одновременно с этим нельзя не отметить тот факт, что указанное разрастание не было последовательно стабильным, а, напротив, имело ступенчатый характер. Проанализировав проиллюстрированную в работах А.В. Верникова [16, с. 168] динамику изменения доли активов государства в совокупных активах российского банковского рынка, мы пришли к выводу о том, что пиковые скачки указанного показателя приходятся на следующие годы: 2005 г., 2009 г., 2014 г. Между указанными годами, характеризующимися мощными всплесками присутствия государства в банковском секторе, расположились условно «спокойные» и стабильные периоды относительно ровной, практически горизонтальной конфигурации графика динамики рассматриваемого показателя. Таким образом, становится очевидным, что, с формальной точки зрения, ключевым фактором, своеобразным «спусковым крючком» стремительного взлета позиции подконтрольных государству банков по шкале долей в совокупных активах банковского сектора являются имеющие место в экономике вообще или в банковской сфере, в частности, кризисные явления. В разделяющие эти пиковые годы промежутки времени государство в лице подконтрольных ему банков, образно выражаясь, «перегруппируется» и готовится при первых признаках очередного кризиса снова расширить масштабы своего присутствия на рынке.

Первый этап диалектического взаимодействия между тенденцией угасания конкуренции в российском банковском секторе и тенденцией обострения конкурентной борьбы в нем имел место в 2000–2004 г. На указанный период развития банковского рынка в России пришлось, с одной стороны, «низкий старт» конкурентной позиции государства на нем, а с другой – начало активной экспансии на него иностранного капитала [15, с. 114]. Стимулом для государства «собраться с силами» и захватить более широкий сегмент конкурентного пространства в банковском секторе были характерные для этого периода колоссальные темпы активности вкладчиков, которые на фоне роста национальной экономики снизили обычно высокий порог сформированного вследствие кризисов 1992 г., 1995 г. и 1998 г. недоверия к банковской системе. В предшествовавшие кризису 2004 г. два-три года банки, осознавая проблему исчерпания роста за счет корпоративной клиентуры, стали переключать внимание на население, а граждане, сталкиваясь с обесцениванием доллара, понесли деньги в банки. Депозиты населения росли со скоростью 40–50% в год. Причем, население чутко следило за состоянием валютного рынка, принимая решение о форме сбережений. Укрепление доллара относительно рубля обычно приводило к ускорению роста валютных сбережений относительно рублевых и замедлению общего притока средств граждан в банки [2, с. 4].

На фоне столь объемных вливаний поставляемой населением ликвидности в банковский сектор, которые, однако, по большей части поступали в контролируемые иностранным капиталом и частные отечественные банки, государство как субъект банковской конкуренции, дабы обеспечить себе более устойчивое положение, постепенно наращивало интенсивность своей конкурентной борьбы. Основными методами, которые применяло в этот период государство, были лишение сырья и зачистка сектора, пиковые моменты которых пришлось на лето 2004 г. Первый из указанных методов на практике проявлялся в изъятии формально озабоченными целями снижения инфляции до уровня 8-10% по итогам года Банком России ликвидности из банковского сектора за счет депозитных операций и сделок обратного РЕПО. За два первых месяца 2004 г. таким образом он дополнительно привлек около 160 млрд. руб.

В результате реализации данных мер к концу марта 2004 г. вдвое сократился объем средств на корреспондентских счетах коммерческих банков в Банке России и существенно выросли процентные ставки по межбанковским кредитам [2, с. 1]. «Раскачав» этим способом через своего «посредника» банковский сектор, государство добилось того, что уже к концу апреля 2004 г. остатки средств на корреспондентских счетах банков в Банке России сократились до 150 млрд. руб., а процентные ставки межбанковского рынка достигли рекордных за 2003–2004 гг. значений в 20–25%. Поскольку банки активно использовали рынок межбанковских депозитов для финансирования средне- и долгосрочных вложений, то рост процентных ставок и снижение объемов рынка означал

для них одновременно увеличение процентных расходов и сокращение возможностей по управлению ликвидностью [2, с. 3].

Органичным дополнением первого метода, оказавшимся способным «добить» рынок и позволившим государству добиться поставленных перед собой в рамках конкурентной борьбы целей, стал «пилотный проект» Банка России по отзыву банковской лицензии на основании обвинения в отмывании незаконных доходов. Вызванная сопровождавшими эти действия заявлениями официальных лиц паника вкладчиков обусловила в конечном итоге первый мощнейший перелив вкладов населения в подконтрольные государству банки (больше всего выиграли от этого ВТБ, Сбербанк и Ак Барс) и, соответственно, передел данного сегмента российского банковского рынка. Доля государства в совокупных активах банковского сектора превысила 40% [17, с. 4].

Справедливости ради следует отметить, что вторым по значимости бенефициаром пика обострения конкурентной борьбы в банковском секторе России на данном этапе оказались некоторые крупные банки, контролируемые иностранным капиталом, в частности Ситибанк и Райффайзенбанк. Проигравшими битву оказались частные отечественные банки. Больше других пострадали Гута-банк, Московский кредитный банк, Менатеп Санкт-Петербург и Бин-банк, объем вкладов населения в которых сократился более чем на 20% за аналогичный период. Альфа-банк также декларировал отток вкладов в 300 млн. долл. в июне–июле 2004 г., но этот отток был оперативно компенсирован взносами акционеров [2, с. 5].

Таким образом, очутившись благодаря пику тенденции обострения конкурентной борьбы к 2005 г. в новой банковской реальности, субъекты банковской конкуренции и, в частности, государство вступили во второй этап диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы. Данный период длился с 2005 г. по 2008 г. включительно и сопровождался последовательным сокращением количества оперировавших в секторе кредитных организаций на фоне одновременного роста числа контролируемых иностранным капиталом банков. Так, в рассматриваемый период количество функционировавших в России банков с участием нерезидентов выросло почти вдвое: со 131 кредитной организации в 2005 г. до 202 кредитных организаций в 2008 г. [15, с. 114].

В то же время присутствие государства в секторе, по крайней мере, в плане количества подконтрольных государству банков, было стабильным почти на всем протяжении данного периода: в 2005 г. и в 2007 г. их число составило 41, в 2006 г. – 40 кредитных организаций. И лишь в 2008 г. этот показатель вырос на 27%, когда число подконтрольных государству банков увеличилось до 52 [16, с. 11]. Доля государства в активах банковского сектора в 2005-2007 гг. не превышала 45%, однако в конечной фазе периода – в 2008 г. – перевалила за 50% [16, с. 4]. Таким образом, как и в предыдущем периоде диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в российском банковском секторе, государство в рассматриваемый период, хотя и занимало уже значимую конкурентную позицию на рынке, но, тем не менее, формально играло роль «второй скрипки» на многих его сегментах, а масштабы государственного присутствия на нем не спешили стремительно расти.

Согласно данным доклада, подготовленного сотрудниками Института экономики РАН, в августе 2007 г. в российской банковской системе стали проявляться первые признаки серьезного финансового кризиса (объем рефинансирования возрос в 350 раз), который через год (август–сентябрь 2008 г.) привел к массовому неисполнению банками своих обязательств по сделкам РЕПО. Уже первые проявления кризиса в России показали, что основной механизм его развития отличается от практики развитых стран. В России неизбежность развития системного кризиса была предопределена сложившимися в 2000-х годах механизмами финансирования банков и предприятий, предложения денег, ценообразования на финансовом рынке. Банк России эмитировал

рублевые средства под аккумуляцию иностранной валюты в официальных резервах. Сокращение экспортной выручки российских экспортеров в результате падения мировых цен привело к относительному сжатию денежной массы. Повышение процентных ставок на мировом финансовом рынке и ограничение кредитования заемщиков из развивающихся стран привело к удорожанию заимствований для крупнейших российских банков. Это вызвало коллапс российского межбанковского кредитного рынка [1, с. 8].

Разразившийся в 2008 г. кризис ликвидности «на выходе» привел к тому, что разрыв между различными категориями функционирующих на российском банковском рынке кредитных организаций по уровню финансовой устойчивости стал существенно более резким. По мнению М.Е. Мамонова, «ключевые параметры, по которым произошло расслоение, — это динамика роста бизнеса и защищенность от рисков» [10, с. 20]. Группа подконтрольных государству банков оказалась основным бенефициаром девальвации рубля и расширения рефинансирования банковской системы со стороны Банка России. С одной стороны, это позволило им значительно нарастить собственный вес, с другой — стать лидерами по долгосрочному кредитованию нефинансового сектора и оказывать существенную поддержку межбанковскому рынку. Кроме того, только подконтрольные государству банки смогли продемонстрировать положительные размеры чистых иностранных активов (с тенденцией к их дальнейшему наращиванию) в размере 15,2 млрд. долл. США на 1 января 2009 г. [10, с. 20]. М.Е. Мамонов полагает, что «все эти факты свидетельствуют о наличии некоторой спекулятивной стратегии, успешно проводимой госбанками в течение последних четырех кризисных месяцев 2008 г.» [10, с. 21].

Очевидно, что немалую роль в удивительной способности подконтрольных государству банков сохранять финансовую устойчивость и платежеспособность, а также наращивать размер своих активов в условиях острого кризиса ликвидности, сыграл такой метод конкурентной борьбы государства, как лишение сырья. Зачистка сектора в рассматриваемый период, хотя и двигалась по восходящему тренду, по нашему мнению, была в большей степени следствием кризисных явлений и применения метода лишения сырья, нежели играла самостоятельную роль в достижении обострявшейся конкурентной борьбы своего пика на данном этапе. Как и на этапе 2000–2004 гг., логическим следствием турбулентных событий на банковском рынке явился перелив вкладов населения в подконтрольные государству банки. Только за последние четыре месяца 2008 г. такой приток составил 9% (или 306 млрд. рублей.), а отток — всего 3% (или 116 млрд. рублей) от суммарного депозитного портфеля на 1 сентября 2008 г. [10, с. 21].

Примечательно, что в этот период государство через подконтрольные ему банки применило и третий из традиционных методов борьбы монополиста — лишение сбыта. Так, прирост кредитов, выданных подконтрольными государству банками нефинансовым предприятиям за сентябрь–декабрь 2008 г., составил 956 млрд. рублей (или 18% от суммарного портфеля соответствующих кредитов по состоянию на 1 сентября 2008 г.) [10, с. 21]. По мнению М.Е. Мамонова, «такого существенного влияния на нефинансовый сектор не оказывала ни одна другая группа банков ни до, ни после сентября 2008 г. Следовательно, несмотря на те или иные кризисные явления в экономике, население продолжало рассматривать госбанки как наиболее безопасных и защищенных хранителей своих сбережений, а предприятия реального сектора продолжали получать от них самые длинные кредиты. Таким образом, госбанки обеспечивали самую крепкую опору для нефинансового сектора в период кризиса» [10, с. 21].

Неудивительно, что очередной пик обострения конкурентной борьбы на российском рынке банковских услуг привел к перераспределению не только ликвидности, обеспечиваемой вкладами населения, но и к знаковому «переходу через перевал» 50%-ного уровня присутствия государства на этом рынке. Немаловажным «побочным эффектом» кризисных событий 2008 г. стал если не массовый, то все же довольно заметный «исход» контролируемых иностранным капиталом банков

Неудивительно, что очередной пик обострения конкурентной борьбы на российском рынке банковских услуг привел к перераспределению не только ликвидности, обеспечиваемой вкладами населения, но и к знаковому «переходу через перевал» 50%-ного уровня присутствия государства на этом рынке. Немаловажным «побочным эффектом» кризисных событий 2008 г. стал если не массовый, то все же довольно заметный «исход» контролируемых иностранным капиталом банков из российского банковского сектора. Несмотря на формально продолжающийся (хотя и в разы менее стремительный, чем в 2005–2008 гг.) рост количества кредитных организаций с участием нерезидентов в России, фактически иностранный банковский бизнес в последовавший за кризисом период был вынужден постепенно сворачивать масштабы своего присутствия в секторе [15, с. 115].

Третий этап диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы на отечественном банковском рынке имел место в период с 2009 г. по 2013 г. и отличался еще большим, чем в предыдущий период, масштабом прямого воздействия государства на разворачивание кризисной ситуации и ее поддержание. Тем не менее, как и прошлые этапы такого взаимодействия, в течение большей части составляющего его временного промежутка третий этап отличался относительно спокойным процессом постепенного снижения числа функционировавших на рынке кредитных организаций (по большей части – с участием нерезидентов), минимальных темпов роста рыночной концентрации и довольно низких за исключением 2009 г., объемов отзыва лицензий у кредитных организаций. Завладев более чем 50% совокупных активов банковского сектора к 2009 г., государство плавно подняло значение данного показателя до 55,8% в 2012 г., причем этот рост не был последовательным, а в 2010 г. было отмечено небольшое снижение значения данного показателя [17, с. 3]. Однако даже с учетом этого «конкурентный путь», который проделало государство в борьбе на банковском рынке к 2010 г. является поистине колоссальным: если в 2001 г. совокупные активы подконтрольных государству банков составляли всего 854 млрд. рублей, то в 2010 г. эта цифра составила 15 805 млрд. рублей, то есть их рост за девять лет составил 18,5 раз.

В течение 2009–2012 гг. государство, перегруппировываясь, постепенно меняло структуру своей собственности в банковском секторе, снижая долю очевидного, прямого присутствия в пользу косвенного, но не менее действенного контроля за подконтрольными банками как своим воплощением на банковском рынке. В частности, по данным А.В. Верникова, к 2011 г. объем косвенного присутствия государства в банковском секторе составил четверть от общего числа подконтрольных государству банков [17, с.4]. Часть банков (например, Росэксимбанк) была переведена из прямой собственности государства в собственность Внешэкономбанка. Кроме того, после 2008 г. государство поручило государственным корпорациям (в том числе, Агентству по страхованию вкладов и Внешэкономбанку) миссию по «спасению» путем выкупа обанкротившихся частных банков, что, естественно, финансировалось за счет бюджетных средств. Результатом такой перегруппировки государство стало масштабное расширение его присутствия на банковском рынке через «корпоративные пирамиды» – многоуровневые холдинги с «закольцованной» структурой собственности [17].

А.В. Верников выделяет две группы возможных мотивов, которыми руководствовалось государство, осуществляя указанные процедуры. К группе конструктивных мотивов он относит следующие:

- результат активных действий по предупреждению банкротства;
- необходимость более гибкой системы управления и принятия решений, нейтрализации политических импульсов.

Деструктивными мотивами ученый считает, в частности, такие:

- попытка «размыть» государственный контроль;

- создание условий для оппортунизма топ-менеджеров, бесконтрольности, прямых хищений;
- «строительство империй» [17].

Полагаем, что, с точки зрения методологического индивидуализма, государство как один из субъектов банковской конкуренции вполне могло руководствоваться любым из указанных мотивов, в том числе и явно оппортунистических, или какой-либо их комбинацией. В любом случае конечной целью государства – антагониста в условиях конкурентной среды было дальнейшее упрочение своего положения на рынке, которое в случае оптимистического сценария развития событий могло сопровождаться и максимизацией его прибыли от такого положения. К 2011 г. смещение акцента государства с его прямого присутствия на банковском рынке на косвенное принесло свои плоды: число контролируемых государством банков формально снизилось до уровня 2006 г., составив 40 кредитных организаций. По данным А.В. Верникова, по состоянию на начало 2015 г. эта цифра не изменилась [16, с. 11].

Спокойное течение рассматриваемого этапа закончилось очередным, поистине беспрецедентным по своим масштабам, пиком конкурентной борьбы государства в форме жесточайшей зачистки банковского сектора, начавшейся летом 2013 г., и увенчавшего эту чистку кризиса в декабре 2014 г. Именно зачистка сектора как метод конкурентной борьбы государства был ведущим на данном этапе диалектического взаимодействия тенденций развития конкуренции в отечественном банковском секторе, тогда как вторым по значимости, но не по общему эффекту, с нашей точки зрения, являлся имиджевый метод укрепления образа подконтрольных государству банков как «острова надежности и стабильности» в бушующем море рискующих пойти ко дну банков иных категорий. Итогом действий государства стало достижение им контроля над 60% совокупных активов банковского сектора России в 2013 г. и 61% – в 2014 г. [16, с. 3].

Происходящие в настоящее время в экономике страны и в ее банковском секторе, в частности, события существенным образом осложняют задачу однозначной классификации временного промежутка, начавшегося с 1 января 2015 г., как очередного – четвертого – этапа диалектического взаимодействия тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в банковской сфере. Выделенные и описанные нами три предыдущих этапа, так или иначе, отличались периодами относительного «затишья» между разграничивавшими их кризисами, в течение которых на фоне «успокаивавшейся» (хоть немного) национальной экономики по мере приближения к очередному кризису интенсивность процесса угасания конкуренции снижалась, уступая авансцену все более резкой конкурентной борьбе ведущего рыночного агента на банковском рынке России. В то же время прошедшие с начала 2015 г. месяцы, несмотря на несколько стабилизировавшийся курс национальной валюты и падение темпов зачистки банковского сектора, не производят впечатления хоть малейшего «успокоения» национальной экономики. Исходя из этого, по состоянию на момент написания настоящей статьи мы условно относим прошедшую часть текущего года к предыдущему – третьему – этапу диалектического взаимодействия тенденций эволюции конкуренции на отечественном рынке банковских услуг

Последним – но не по важности – аспектом, который, с нашей точки зрения, необходимо осветить в настоящей статье для создания целостного видения эволюции конкуренции в банковском секторе России, является общая форма траектории ее развития как процесса перемещения к все более монополизированному состоянию. Убедительно, как нам кажется, доказав скачкообразный характер эволюции в банковском секторе России, а также обозначив выше, что развитие для нас, несмотря на направленный, закономерный характер, – это движение ради движения, вне условностей о необходимости все более совершенного состояния системы на каждом последующем этапе ее развития, мы убеждены что конкуренция в банковском секторе России развивается нелинейно и даже не волнообразно.

Руководствуясь третьим законом диалектики, мы полагаем, что траектория развития банковской конкуренции в России имеет спиралевидную форму. Действительно, в периоды преобладания тенденции угасания конкуренции банковский сектор как система относительно спокойно движется от точки к точке, в то время как в его «недрах» постепенно назревает внутреннее сопротивление, как правило, исходящее от государства – субъекта конкуренции. Именно это сопротивление в конечном итоге выплескивается на поверхность в виде пика, оттесняя тенденцию угасания и вызывая скачок, в результате которого банковская конкуренция переходит на новый этап своего развития – то есть на новый относительно спокойный период преобладания тенденции угасания на фоне нового накопления элементов обострения конкурентной борьбы.

Каждый из этих этапов имеет черты, свойственные предыдущему, генетически связан с ним, однако в то же время на каждом из них конкуренция в российском банковском секторе приобретает и закрепляет в себе новые черты, особенно ярко проявляющиеся в сдвигах внутри элементов конкурентной среды рынка. Именно в силу таких особенностей развития банковской конкуренции в России, соответствующих диалектическому закону отрицания отрицания, складывается спиралевидная форма траектории этого развития.

Определившись со спиралевидной формой траектории развития конкуренции в отечественном банковском секторе, мы должны выяснить, на каком количестве уровней – или слоев – развития банковской конкуренции имеет место – это движение по спирали. Если принять как предпосылку спиралевидного движения системы ее возвращение в, казалось бы, исходное состояние, в то, что уже когда-то было, но на новой ступени, обладая, помимо свойственных предыдущим ступеням, еще и новыми характеристиками, то такая широкая трактовка позволяет нам выделить несколько уровней спиралевидного развития конкуренции на российском рынке банковских услуг.

Первый уровень – микроуровень – это движение российской банковской конкуренции по спирали, берущей начало с момента образования современного банковского сектора (при том, что, как мы упоминали выше, начало непосредственной смены этапов диалектического взаимодействия тенденций угасания и обострения в ее развитии мы условно связали с 2000 г.). Такое движение не выходит за пределы сектора, предусматривая модификацию отдельных характеристик банковской конкуренции на каждом новом витке спирали, однако отрицая с каждым таким витком само себя на предыдущем витке. Это самая тугая спираль, каждый новый виток которой банковская конкуренция в России проходит в среднем раз в четыре года.

Тем не менее, если рассматривать особенности развития банковской конкуренции в нашей стране с учетом периода административно-командной экономики, то текущее движение конкурентных процессов к монополизации – государственной монополизации – банковского сектора можно рассматривать как перемещение к новому витку более крупной спирали, в которой пиковыми точками являются смены господствующего типа национальной экономической системы, а промежуточными периодами – длительные периоды адаптации конкурентных отношений в секторе к новым институциональным (экзогенным и эндогенным) пределам своего функционирования. «Это все уже было, но немного по-другому» в данном случае означает движение конкурентных отношений в банковском секторе России от исходной точки государственной монополии в банковском секторе через промежуток переходной экономики, формально стремящейся к рынку, снова к ведущей роли государства, но уже как обладающего монопольной властью участника конкурентных отношений. С этой точки зрения, банковская конкуренция в России перемещается по спирали мезоуровня, менее туго скрученной, чем предыдущая спираль. Если условно принять 1991 г. в качестве даты окончания предыдущего витка данной мезоспирали и предположить, что российская банковская конкуренция уже близка к повторению прошлого состояния, но на новом уровне, то временную «длину» витка спирали можно условно принять за 15–20 лет.

И, наконец, мы полагаем необходимым выделить третий – наиболее масштабный уровень спиралевидного развития банковской конкуренции в России, захватывающий период с начала прошлого века. Предыдущим витком спиралевидного развития конкуренции в банковском секторе России, понимаемого максимально широко, является присущее экономике России накануне Великой Октябрьской социалистической революции состояние империализма, тремя из пяти ключевых признаков которого, в частности, являлись:

- концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни;
- слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии;
- особо важное значение вывоза капитала в отличие от вывоза товаров [9, с. 71].

Очевидно, что первые три признака напрямую и более чем точно характеризуют процессы, протекающие в рамках современного российского банковского сектора, с той лишь основной разницей, что инициатива их появления, особенно применительно к первому и второму, исходила не «снизу», как в описываемый В.И. Лениным период, а «сверху», от государства как субъекта, обладающего мощной монопольной властью на большинстве отечественных рынков. Данный вид спирали мы предлагаем именовать макроспиралью развития банковской конкуренции в России и в качестве «длины» ее витка с определенной долей условности рассматриваем период продолжительностью в сто лет.

Нерешенным пока что остается последний вопрос – вопрос о направленности движения банковской конкуренции по всем трем из описанных спиралей в ходе своего развития. Иными словами, учитывая наш широкий взгляд на сущность категории «развитие», мы должны обозначить, являются ли выделенные и описанные нами спирали восходящими, как это традиционно принято в диалектике, или нисходящими. Для ответа на этот вопрос мы должны определить, что мы понимаем под «верхом» спирали – то есть ее условно (обязательно условно!) более высокой ступенью, а что – под ее «низом». Учитывая, что «полюсами» данной спирали, как мы ранее определили, являются совершенная конкуренция и монополия, мы, гипотетически, должны распределить указанные крайности по шкале от менее желательного к более желательному. Абстрагируясь от какого-либо абсолютизирования преимуществ любой из этих структур рынка, мы исходим из предложенного М.В. Петрищевым тезиса о том, что монополия убивает рыночную конкуренцию [12, с. 181]. Сочетая указанный тезис с позицией И. Кирцнера о том, что рыночный процесс по природе своей является конкурентным, а прекращение конкуренции – это прекращение рыночного процесса [8, с. 21–22], мы примем совершенную конкуренцию как недостижимую вершину спирали, а чистую монополию – как ее также почти недостижимую нижнюю точку. Отталкиваясь от такого видения полюсов спирали (причем как в ее микро-, мезо-, так и в макроварианте) развития банковской конкуренции, мы приходим к выводу о том, что имеющее место в действительности ее движение в сторону монополизации структуры банковского рынка означает нисходящий характер рассматриваемых спиралей.

Таким образом, проанализировав ключевые аспекты эволюции конкуренции в банковском секторе России, мы приходим к выводу о том, что, как и в общем случае эволюции конкуренции, описанном сформированной в русле теоретической экономии политэкономической концепции конкуренции и ее развития, ведущими тенденциями эволюции банковской конкуренции в нашей стране являются диалектически взаимодействующие, хотя и формально противоположные тенденции угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы. Интенсивность их проявления, систематически снижаясь и вновь нарастая, обуславливает их попеременно ведущую роль в развитии банковской конкуренции. Под развитием банковской конкуренции в нашей стране в этом смысле понимается происходящий под контролирующим воздействием государства как субъекта банковской конкуренции процесс попеременных пиковых состояний указанных тенденций

в ходе нисходящего перемещения банковской конкуренции по спиралевидной траектории в направлении дальнейшей монополизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банковская система России в условиях мирового экономического кризиса [Текст] / Доклад на заседании Ученого совета Института экономики РАН. – М.: ИЭ РАН, 2009. – 50 с.
2. Бузгалин А.В. Кризис и его эхо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: buzgalin.ru/text/eho.pdf. – Дата доступа: 15.05.2015.
3. Верников, А. В. Формы собственности и институциональные изменения в банковском секторе [Текст]: научный доклад / А.В. Верников. – М., 2007. – 52 с.
4. Гордеев В.А. Конкуренция и ее развитие [Текст]: Монография / В.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008. – 299 с.
5. Гордеев В.А., Кладова А.А. Модификация конкурентной среды банковского рынка в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.theoreticaleconomy.info
6. Гордеев В.А., Кладова А.А. Модификация конкуренции в РФ в условиях экономических санкций Запада (на примере банковской отрасли) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.theoreticaleconomy.info.
7. Казеннов А.С. Диалектика как высший метод познания [Текст] / А.С. Казеннов. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – 96 с.
8. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство [Текст] / Пер. с англ. Под ред. проф. А.Н. Романова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 239 с.
9. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма [Текст] / В.И. Ленин. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 117 с.
10. Мамонов М.Е. Структурные сдвиги и адаптация ключевых групп банков [Текст] / М.Е. Мамонов // Банковское обозрение для бизнеса. – 2009. – №3. – С. 20–26.
11. Никитина Н.Н. Диалектика конкуренции и монополии [Текст]: автореферат дисс. ... к.э.н. : 08.00.01 / Н.Н. Никитина. – Уфа, 2005. – 24 с.
12. Петрищев М.В. Методология и теория конкуренции, ее процессы и результаты в современных рыночных структурах [Текст] : дисс. ... д.э.н. / М.В. Петрищев. – Тверь, 2014. – 394 с.
13. Чемберлин Э.Х. Теория монополистической конкуренции / Э.Х. Чемберлин. – М.: ДиректмедиаПублишинг, 2008. – 403 с.
14. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Текст]. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. — 1248 с.
15. Kladova A. The Influence of Foreign Bank Entry on the Development of Regional Financial Markets [Текст] / A. Kladova, L. Parfenova, J. Vytautas // Regional Formation and Development Studies. – 2012. – №3. – С.106-117.
16. Vernikov A. A Guide to Russian Bank Data: Breaking Down the Sample of Banks [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goo.gl/rmRovf>. – Дата доступа: 07.05.2015.
17. Vernikov A. The Impact of State-Controlled Banks on the Russian Banking Sector [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=2399486>.